

© 1992 г. ХАЙНАЛ И.

РОЛЬ ДАННЫХ ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА ДРЕВНЕЙШЕГО ПЕРИОДА
В РЕКОНСТРУКЦИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЫ

Посвящается памяти Э. Риша (1911—1988)

1. Общий вид индоевропейской системы смычных, похоже, претерпел кардинальные изменения второй раз за историю нашей науки. После появления «Очерка сравнительной грамматики индоевропейских языков» К. Бругмана [1] для праязыка реконструировали четырехфонемный ряд согласных, состоящий из глухих непридыхательных, глухих придыхательных, звонких непридыхательных и звонких придыхательных смычных. Таким образом, дентальные были представлены четырехчленной корреляцией $*T = */t^h/ = */d^h/ = */d^h/$; аналогичные ряды существовали для табиальных и гуттуральных (прочем, сегодня их лучше было бы назвать глоттальными). Такая праязыковая фонологическая система в точности соответствовала древнеиндоарийской.

Первый пересмотр этой системы произошел уже в прошлом столетии в связи с наблюдением Ф. де Соссюра [2], согласно которому ведийские глухие придыхательные $/t^h/$ и т. д. восходят к праиндоевропейским цепочкам фонем типа $*t, h_2 - V$ (или, в нотации Ф. де Соссюра, $*t + \varepsilon$). Ср. в этой связи возведение вед. *ṛtihū-* и **tis!ha-ti* к и.-е. **pṛtih₂u-* и **sti-th₂e-ti* соответственно.

Поскольку во многих случаях таким образом удается объяснить глухие придыхательные в отдельных языках, возводя их к праязыковым двухфонемным последовательностям, предложенная ранее для праязыка система смычных, состоящая из четырех рядов, была сокращена на один ряд — глухих придыхательных. Так возникла классическая триада $*T/ - *D/ - *D^h/$, принимаемая и сегодня большинством индоевропеистов.

Однако эта модель была сильно поколеблена почти двадцать лет назад. В 1972 г. Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов [3], а вскоре за ними (в 1973 г.) и П. Хоппер [4] выступили с революционизирующим предложением заменить традиционную триаду индоевропейского праязыка $*T/ - *D/ - *D^h/$ на систему из глottализованных, глухих и звонких фонем. Предполагалось также, что у глухих и звонких фонем были аспирированные варианты. В соответствии с используемой здесь нотацией новая реконструкция выглядит следующим образом: $*T' / - *D(H) / - T(H) /$.

Эта теория, получившая название «глоттальной», за последние 20 лет была признана некоторыми исследователями и отвергнута другими; были предложены также некоторые корректизы¹. Основное ее содержание — преж-

¹ Заглавные буквы, как в случае с $*T' / - *D(H) / - T(H) /$, обозначают все возможные способы образования. Другими словами, $*T'$ обозначает не только $*t'$, но также $*r$ и $*k$, $*D$ — не только $*d$, но также $*b$ и $*g$, $*D(H)$ — не только $*d^h$, но также $*b^h$ и $*g^h$.

² Литературу см. в [5]. Сопоставление различных вариантов глоттальной теории сделано в [6]. Что касается литературы, не упомянутой в [5], заслуживающей внимания обширный обзор в [7], а также критическая оценка этой работы в [8]; см. также [9].

де всего в «классической» формулировке Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, на которую мы в дальнейшем будем постоянно опираться,— достаточно полно изложено при доброжелательном обсуждении этой теории в [5]³.

Настоящее исследование не содержит никаких новых доводов общего характера, подтверждающих глottальную теорию или опровергающих ее. К тому же такого рода задача представляется довольно бессмысленной, поскольку, учитывая все выдвигавшиеся до настоящего времени аргументы, трудно привести какие-либо соображения решающего характера. Скорее можно говорить о существовании у большинства индоевропеистов тенденции принимать глottальную теорию исходя из ее весьма правдоподобного характера, но в ограниченной форме, предполагая существование глottальной системы не в собственно индоевропейском прайзыке, а на более ранней стадии развития прайзыка⁴. Такая компромиссная позиция может оказаться приемлемой как для противников глottальной теории, так и для ее сторонников, тем более что она, вероятно, соответствует и историческим данным. Существует, однако, опасность, что преждевременно достигнутое единство не будет способствовать приложению новых усилий для выявления новых критериев.

2. В настоящем сообщении речь как раз и пойдет о поиске новых критериев такого рода для ответа на вопросы об и.-е. глottальных фонемах.

В том, что на данной стадии дискуссии о глottальной теории предпочтительны не типологические соображения общего характера, а данные отдельных языков, меня убедил мой покойный учитель Э. Рин. В целом он был сторонником глottальной теории и в устных обсуждениях выражал желание осуществить исследование такого рода, чего ему самому, к сожалению, сделать не удалось.

Одним из главных отправных пунктов для глottальной теории послужил, как известно, тот факт, что межъязыковые соответствия, на основании которых можно было бы реконструировать фонему */b/, крайне малочисленны или же отсутствуют вовсе. Такая фонологическая лакуна трудно объяснима в рамках традиционно реконструируемой для праиндоевропейского системы /T/ — /D/ — (—/D^H/), поскольку, согласно типологическим исследованиям, лабиальная фонема /b/ является наименее маркированным членом ряда звонких смычных /D/; в связи с этим /b/ имеет высокую функциональную нагрузку и часто встречается в составе корней, суффиксов и морфем. Лакуну в группе лабиальных смычных скорее способен образовывать ряд глухих /T/: фонема /p/ является наиболее маркированной и в связи с этим редкой⁵. Применительно к реконструкции и.-е. прайзыка это означает, что прайзык не мог иметь противопоставления /T/ — /D/, а ряд */D/, традиционно интерпретируемый как ряд звонких, в действительности должен был содержать глухие смычные — таким образом мы подходим к реконструкции глottального ряда */T'/.

Применительно к материалу отдельных языков это означает, что зафиксированные в них звонкие смычные или, соответственно, их рефлексы в отдельных языках следует возводить к глottальным прайфонемам.

Именно такой способ аргументации сторонников глottальной теории наталкивается в настоящее время на серьезные возражения. Чаще всего оппоненты приводят новые межъязыковые соответствия, позволяющие реконструировать для прайзыка большее количество корней с */b/⁶. Однако при такого рода критике до сих пор игнорировалось то, что из постулата

³ Тот же автор обнаруживает явную симпатию к глottальной теории уже в [10].

⁴ Из последних работ см. [11].

⁵ Относительно связи между маркированностью, функциональной нагрузкой и частотностью фонемы см. особенно подробно [12].

⁶ Из последних работ см. [13].

об отсутствии (или редкости) */b/ в прайзыке выводится еще одно следствие: в отдельных языках на самых ранних стадиях развития фонема */b/ должна отсутствовать или, по крайней мере, быть редкой. Итак, чтобы подтвердить или опровергнуть постулируемое глottальной теорией существование фонологической лакуны, следует выяснить, как обстоит дело в конкретных языках с фонемой /b/ в целом — т. е. не только в исконных, но также и в заимствованных и иностранных словах.

Разумеется, на практике такой замысел едва ли можно осуществить. В большинстве и.-е. языков к моменту их первой фиксации */b/ уже успешно прочно укоренился в фонологической системе. То обстоятельство, что при этом, как правило, может быть доказано вторичное происхождение этой фонемы (важным источником /b/ является, например, и.-е. */b^h/ — для балто-славянского и армянского), означает, что свидетельства этих языков являются для нас не слишком цennыми при решении указанного вопроса.

Тем не менее, сохранился и.-е. диалект, данные которого, благодаря благоприятным обстоятельствам, могли бы послужить для нас важным подспорьем при решении названной проблемы. Речь идет о древнегреческом, который после дешифровки микенского линейного письма В оказался — вместе с хеттским и двумя малыми анатолийскими языками (палийским и иероглифическим лувийским) — в числе наиболее древних за- свидетельствованных и.-е языков. Особенно важно то, что микенские тексты XIV и XII вв. до н. э. представляют стадию развития, на которой древнегреческий еще сохранял унаследованные от прайзыка лабиовелярные, отражаемые на письме знаками ̄-серии⁷. Это означает, что в указанный период еще не задействован важный источник греческого /b/; поскольку в дальнейшем на протяжении всей истории развития греческого языка рефлексы и.-е. */b^h/ никогда не смешивались с /b/, мы можем исходить из предположения о том, что каждое микенское /b/ всегда отражает «настоящее» (echtes), т. е. либо восходящее к прайзыку, либо заимствованное /b/. Итак, ниже будет исследоваться микенский материал, в котором за- свидетельствовано /b/.

3. Прежде всего следует отметить, что, по данным послемикенского греческого, анлаутное и илаутное /b/ исключительно редко встречается в микенских текстах. Тем не менее несколько примеров греческих параллелей классического периода с (-)b- представляются достоверными. Ср.:

da-pu₂-ri-to-jo KN Gg 702.2: в KN Gg 702 в строке 1 описывается посвящение меда (*me-ri* / *meλi* /) «всем богам» *pa-si-te-o-i* дат. мн. / *Ran-sit^heoi^hi* /. Есть основания интерпретировать *da-pu₂-ri-to-jo po-ti-ni-ja* в строке 2 также как религиозный титул и переводить его как «госпожа лабиринта». При сопоставлении с послемикенским λαβύρινθος проблемы возникают не столько в связи с различиями в анлауте, которые могут быть связаны с довольно частой меной *d/l* в словах малоазиатского происхож-

⁷ В послемикенский период и.-е. лабиовелярные */k^w/, */g^w/, и */g^{wh}/, как известно, переходят в лабиальные или, перед закрытыми гласными, в палатальные, а затем в дентальные. Таким образом, в значительной части древнегреческих примеров /b/ восходит к */g^w/: ср., например, др.-греч. βοῦς, микен. *qe-u-ko-ro* / *g^woukoloi* / < и.-е. *g^w̄bis (в целом эта проблема рассматривается в [14, с. 431]).

⁸ Не является препятствием и то обстоятельство, что микенский силлабарий не проводит различия между глухими и звонкими для лабиальных и велярных (в отличие от дентальных), т. е. /p/ и /b/, согласно общепринятой точке зрения, передаются одинаково — с помощью знака для р. Во-первых, обсуждаемые в настоящей статье слова, как правило, имеют параллели в древнегреческом классического периода, что позволяет однозначно установить фонетическое значение соответствующих знаков. Во вторых, в ходе исследования будет показано, что микен. /b/ отражается на письме иначе, чем это можно было бы ожидать.

дения⁸, сколько с использованием в мишенском написании знака *29 <pu₂>. Как показывает М. Лежен [18, с. 349 и сл.], этот знак, являясь дублетом знака *50 / pu, p^hu/, передает только придыхательный /p^hu/ (ср., например, pu₂-te-re KN V 159.4, PY Na 520. В /p^hutēres/)¹⁰. Итак, титул da-pu₂-ri-to-jo po-ti-ni-ja в фонетической транскрипции выглядит как /Dap^hurint^hojo Potnija/.

mo-ri-wo-do KN Og 1527.1.2. 3[.4]: Сопоставление с μόλιθος «свинец» представляется в настоящее время бесспорным. Таким образом, mo-ri-wo-do следует читать как /moliwdos/¹¹.

ka-ka-po PY Jn 320.3: ka-ka-po в данном случае является собственным именем кузнеца (ka-ke-u /k^halkeus/). Общепринятая интерпретация — /Kakkabos/, в соответствии с послемиценским κάκχαβος, κάκχαβη «(особого рода) сосуд» или κάκχαβη «серая куропатка»¹².

ra-ra-ro KN Vc 206, Xd 207 +, PY Cn 643.1 +: для собственного имени ra-ra-ro предлагается интерпретация /Barbaros/¹³. В сущности никаких доводов против существования такого антропонима привести нельзя: контакты с греческими народами оставили следы в миценском греческом в виде многочисленных заимствованных и иностранных слов различного происхождения¹⁴, а иногда находят отражение и в антропонимике (ср., например, a₃-ku-pi-li-jo KN Db 1105.B /Aiguptijos/).

*pa-ra-ku PY Ta 642.1 +: обозначение материала *pa-ra-ku¹⁵ представлено формой инстр. пад. ед. ч. pa-ra-ku-ue PY Ta 715.3, 714.1.3 /-uwe/ или pa-ra-ke-ue PY Ta 642.1 (очевидно, это вариант с суф. -u- в полной ступени на /-ew-e/) при описании предметов меблировки рядом с причастием a-ja-te-no, -na /ajaiomenos/. Как указывал А. Хойбек [22], форма a-ja-te-no используется при описании (фигурных) инкрустационных работ, так что дополнение в инструментальном падеже в фрагменте PY Ta всюду используется для обозначения материала, как в случае ku-ru-so/k^hrusō/ «(инкрустировано) золотом», e-re-pa-te /elephantē/ «(инкрустировано) слоновой костью» и т. д. То же самое можно, следовательно, предположить и в отношении *pa-ra-ku.

При идентификации слова *pa-ra-ku может помочь то обстоятельство, что от него образовано прилагательное pa-ra-ku-ja, которое в KN Ld

⁸ См. в связи с этим [15], где приводится пример соответствия лик. *dapara* ~ греч. *λαπαρας*.

Наиболее убедительными представляются соображения, высказанные М. Леженом [16], считавшим, что язык, для которого создавалось линейное письмо (т. е. язык линейного письма A?), имел фонему /l/, близкую в произношении к греч. /d/. При адаптации линейного письма греки превратили исходный *l*-ряд в *d*-ряд, но для того, чтобы разграничивать глухие и звонкие по крайней мере среди дентальных, они при этом нашли себе возможности различать на письме плавные /t/ и /l/.

К постановке этой проблемы в целом ср. также [17], где представлена несколько иная точка зрения.

¹⁰ К этому следует добавить, что написание с использованием знака <pu₂> подтверждается KN Oa 745.2 da-pu₂ — ₂ [-to-ja] po-ti-ni-ja. Кроме того, в da-pu-ri-to [KN Xd 140.1, очевидно, отражен вариант с простым <pu>]. Использование более частого знака вместо специального дублета не является, однако, чем-то необычным.

¹¹ Так [19, с. 562]; более позднюю литературу см. в [20, с. 457 и сл.].

¹² См. опять же [20, с. 306].

¹³ См. [19, с. 568]. Не исключено, правда, что позднему βάρβαρος на самом деле соответствует мицен. qa-qa-ro KN As 604.3, так как /b/ может восходить и к лабиовеварному, т. е. в греческом это слово должно было звучать как /g^warg^waros/. В таком случае pa-ra-ro следовало бы интерпретировать иначе.

¹⁴ Сейчас уже существует словарь заимствованной лексики в миценских текстах [21].

¹⁵ Нотация «*pa-ra-ku» указывает на незасвидетельствованность номинатива. Правда, слово pa-ra-ku зафиксировано в PY Cn 201.1, где речь должна идти об имени собственном. Вопрос о его идентичности с обсуждавшимся выше апеллятивом остается открытым. Кроме того, на обломке таблички KN Xf 5102 зафиксирована последовательность слогов pa-ra ku{.

575.b описывает окраску текстильных изделий (*ra-we-a* им. пад. мн. ч. /p^harwe^ha/). Дж. Л. Мелена [23] убедительно показывает, что *ra-ra-ku-ja* следует переводить как «сине-серый» (позднее γλαυκός), указывая при этом на то, что, с одной стороны, частыми являются графические изображения сине-серых предметов одежды микенского периода, а с другой стороны, именно в отношении этого цвета до сих пор было неизвестно, как он обозначался в микенских текстах. Глосса Гесихия Βαράχις.γλαύκιον.ιράτιον подтверждает соображения Мелены. Таким образом, аналут слова *ra-ra-ku, обозначающего сине-серое вещество, передается позднее в виде /b(arak)-/.

su-ki-ri-ta KN Da 1163 [.B] + : Топоним *su-ki-ri-ta* неоднократно за- свидетельствован на кносских табличках серии D (в частности, один раз в инструменталисе-аблативе *su-ki-ri-ta-pi* KN DI 47.2) ¹⁶. К этому следует добавить этоним *su-ki-ri-ta-jo* KN C 911.3; *su-ki-ri-ta* обычно сопоставляется с поздним Σύβριτα ¹⁷. С точки зрения критско-кносской географии это предположение вполне достоверно, поскольку по комбинаторным сооб- ражениям *su-ki-ri-ta* следует поместить рядом с *ra-i-to* /p^haistos/ ¹⁸; из- вестные из истории местности Φαίστος и Σύβριτα действительно расположены недалеко друг от друга.

4. По поводу перечисленных в п. 3 слов, соответствия которым в пос- лемикенском греческом свидетельствуют о наличии /b/, создается следую- щее впечатление:

/b/ может — как и ожидается — передаваться знаком *p*-серии; это от- носится к написаниям *pa-ra-ku /baraku-/, *ka-ka-po* /Kakkabos/ и *pa-ra-ro* /Barbaros/. Однако относительно двух последних антропонимов следует оговорить, что их интерпретация не вполне надежна.

В то же время в связи с вопросом об отражении /b/ микенскими писца- ми возникает ряд очевидных проблем: в *da-pu₂-ri-to послемикенское /b/ записывается знаком для придыхательного /p^h(u)/, в *mo-ri-wo-do* послемикенское сочетание /-bd/ представлено как /-wd-/; наконец, в *su-ki-ru-ta* послемикенскому /-br-/, очевидно, соответствует /-kr-/.

Засвидетельствованные в этих трех словах исключения из правила, со-гласно которому /b/ должно отражаться знаком *p*-серии, допускают раз-личные объяснения.

В связи с придыхательным в *da-pu₂-ri-to* обычно указывают на негре- ческий характер этого слова, который и обуславливает фонетические колебания ¹⁹. Однако параллели к аналогичному чередованию звонких и придыхательных отсутствуют ²⁰.

Транслитерация /moliwdos/ для <*mo-ri-wo-do*> была отклонена в [27] по графическим соображениям; вместо нее предлагается /moliwodos/. Од-нако в микенском аналогичным образом сочетания *-/wr-/ и /-wj-/ переда-ются на письме как <wV₁-rV₁> и <wV₁-jV₁> соответственно (ср. *ra-wa-ra-ta* /Lawratās/, *di-wi-jo* /Diwjon/). Итак, я не вижу необходимости отказываться от прочтения <-wo-do-> как /-wdo-/. Кроме того, предлагаемая в [27] транслитерация †/moliwodos/ обладает еще одним существенным недостат-ком: в послемикенских формах μόλιβδος и μόλιβδος (и, косвенно, также в μόλιβος) довольно произвольным образом приходится предполагать син-

¹⁶ Помимо серии D к этому следует добавить еще один пример, засвидетельство- ванный на обломке KN X 7562.b. Неясно, сизано ли имя собственное *su-ki-ri-to* KN As 1516.12 с этим топонимом.

¹⁷ Форма Σύβριτα появляется у Полибия и в надписях из самой Сибрты, о су-ществовании варианта *Σύβριτа свидетельствует форма Σύβριτον на монетах

¹⁸ Это предположение основано прежде всего на KN Dn 1092, где рядом с *su-ki-ri-ta* упомянута также местность *e-ko-so*, *e-ko-so*, в свою очередь, относится к группе топонимов области *ra-i-to* (ср. об этом [24, особенно с. 96 и сл.]).

¹⁹ Из последних работ см. [25].

²⁰ Приведенный в [26, с. 167 и сл.] материал не кажется убедительным.

копу † *moliwodo* в *moliw/bdo-*. Иначе считает П. Шантрен [28; 29, с. 710], усматривающий в написании ‹*moliwdos*› попытку передать спирантное /β/; однако это допущение носит характер *ad hoc*²¹.

Наконец, хотя в отношении *su-ki-ri-ta* можно утверждать, что интерпретация микенских топонимов только на основании засвидетельствованных позднее имен и с опорой на сомнительное фонетическое сходство часто является обманчивой, сопоставление *su-ki-ri-ta* с Σύρτα признается тем не менее даже таким критически настроенным ученым, как Л. Р. Палмер [30].

Итак, вряд ли можно объяснить все несообразности, связанные с написанием /β/ так же, как обсуждавшиеся выше отдельные случаи. Из приведенного выше материала совершенно очевидно, что говорившим по-гречески писцам, пользовавшимся линейным письмом В, как правило, не легко давалось обозначение /β/. К тому же в упоминавшихся в п. 3 словах, содержащих /β/, мы имеем дело не с исконной, а с заимствованной или иностранной лексикой или с именами из других языков.

5. При попытке объяснить столь необычное поведение микенских писцов могут оказаться полезными новые результаты, полученные Дж. Л. Меленой при интерпретации остававшихся до сих пор не вполне ясными знаков *56 и *22. Ниже будут сформулированы важнейшие выводы работы [23]²².

Для знака *56 обосновывается прочтение *ra₂*. Это следует прежде всего из KN Ld 587.2, где текстильные товары (*TELA^x*) обозначаются словом *56-*ra-ku-ja*. Существуют основания отождествлять *56-*ra-ku-ja* с обсуждавшимся выше прилагательным, обозначающим цвет — *ra-ka-ku-ja* из KN Ld 575, причем аналогичное чередование *ra* и *56 засвидетельствовано в имени собственном *ka-ra-pa-so* PY Jn 389.5 / *ka-ra-* *56-*so* PY En 659 [.19], Ео 269 lat. sup. Согласно п. 3, *ra**56 в *ra**56-*ra-ku-ja* обозначает послемикенское /β/. При этом *56 сближается с *ri₂*, которое, с одной стороны, передает в *da-ri₂-ri-to* = Λαφριγόδος звонкий смычный /β/ классического греческого, а с другой стороны, способно чередоваться с обычным *ri*.

Как свидетельствуют дублетные написания *tu**56-*da-ro* KN Dv 1370.b /*tu-ma-da-ro* KN Db 1368.b или *a*-56-*po* KN As 1520.13, Dv 5232. В /*a-ma-po* KN As 1520. v. 2, *56 передает, кроме того, звук, который мог быть также записан с помощью знака для *t*. Поскольку аналогичное чередование зафиксировано для пары *ta**22-*de-so* TH Z 871, [872], 876 vs. *ta-mi-de-so* KN Di 944.B, можно построить ряд *ri₂* — *56 — *22 — соответственно *ri₂* — *ra₂* — *pi₂*.

Однако фонетическая интерпретация серии *ri₂* — *ra₂* — *pi₂* сопряжена с более серьезными проблемами. По аналогии с надежным сопоставлением *ri₂* с /p^hu/ напрашивается интерпретация /p^hu/ — /p^ha/ — /p^hi/, что, однако, не объясняет чередования с *t*-знаками.

В связи с этим наиболее правдоподобным представляется предположение о том, что знаками *ri₂*, *ra₂* и *pi₂* передается какая-то иогреческая фонема. Об этом свидетельствует, во-первых, то, что по крайней мере *ra₂*

²¹ Если допустить фонетическую интерпретацию /moliwdos/, осталось бы неясным, почему спирант не обозначался в послемикенский период: во всяком случае, классическое написание μόλιψδος в первую очередь указывает на /β/(<β>) могло появиться лишь в диалектных надписях после частично засвидетельствованной в диалектах спирантлизации звонких вместо /β/).

²² Остается добавить, что и более ранние попытки определить фонетическое значение упомянутых знаков часто вели в нужном направлении. Так, в работе [31] предлагается идентифицировать знак *56 как фонему *r*-серии *ra₂*.

Из последних работ упомянем [32], где *22 предлагается интерпретировать как /mi/; автор основывается на том факте, что знак *22 идентичен идеограмме 107 CAP «коза», причем используется акрофонический принцип, поскольку гlosсa Гесихия, в свою очередь, фиксирует начинаяющееся на /mi/ слово со значением «коза». Тем не менее отождествление знака *22 с /mi/ представляется справедливым лишь отчасти.

и pi_2 появляются почти исключительно в терминах и именах, явно заимствованных из другого языка, и, во-вторых, обозначаемые ra_2 и pi_2 или, соответственно, чередующимися с ними сочетаниями ta и ti могут вовсе не передаваться на письме: ср., например, наряду с $tu-pa_2-da-ro \sim tu-ma-da-ro$ также $tu-da-ra$ KN Do 924.B, наряду с $ta-pi_2-de-so \sim ta-mi-de-so$ — также $ta-de-so$ KN As 604.2, De 1409.B+.

Мелена [23, с. 228 сл.] предполагает, что этой заимствованной фонемой было /m^b/²³, что подтверждается материалом постмикенского греческого: так, обозначение сосуда *ku-ru-sa-pa₂* KN K 740.4 оказывается в одном ряду с образованиями на- μ рос типа *χώρη* «ваза»; устанавливается также связь с чередованием μ/β в различных словах средиземноморского происхождения, таких, как *χωρεύω* / (кипр.ск.) *ku-me-re-na-i* ICS 264.4 / *κιμερέωι* /²⁴ или (в соответствии с предположением Мелены [23, с. 225], представляющимся убедительным как по семантическим, так и по фонетическим соображениям) *σμάραγδος* «голубая бирюза»²⁵ / *βαράχις* (= *pa-ra-ku; см. выше)²⁶.

Предположение о сложном характере фонемы /m^b/ позволяет также объяснить различные способы ее записи: следует исходить из того, что греки по-разному могли интегрировать заимствованную фонему в свою фонологическую систему²⁷. В частности, отчетливее мог слышаться либо лабиальный, либо носовой компонент: первый вариант произношения / (m)_b объясняет написания с использованием знаков ряда pV_2 или обычного знака для p , типа <*pa₂/pa-ra-ku-ja*>, <*tu-*56-da-ro*/Tu^(m)bdaros / (соответствуют поздним написаниям с <β>); второй вариант /m^(b) / — написания с использованием m -знаков, типа <*ta-mi-de-so*> (наряду с <*ta-pi₂-de-so*>), *tu-ma-da-ro/Tum^(b)daros/* с (≈ *Τύνδαρος*) — им соответствуют постмикенские написания с <μ> (<ν>), причем в микенском назальность в позиции перед согласным (т. е. в сочетании /-m^(b)с-/) могла и не обозначаться на письме (ср. <*ta-de-so*> или <*tu-da-ra*> /*Tum^(b)daras/*)²⁸.

Наконец, в связи с постмикенским написанием <μβ> возникает вопрос: не скрывалось ли, кроме того, за микенскими написаниями с ri_2 , ra_2 и pi_2 и сочетание /mb/ — в этом случае заимствованная фонема /m^b/ расщеплялась на двухфонемное сочетание /m + b/ (причем в соответствии с правилами микенской орфографии необозначенным остается гетеросиллабический предконсонантный носовой).

6. Собранные в предыдущем разделе данные носят на первый взгляд противоречивый характер. Согласно этим данным, знаки ri_2 — ra_2 — pi_2 появлялись в тех случаях, когда в постмикенском греческом были зафиксированы либо /p^bu/ — /p^ba/ — /p^bi/, либо /bu/ — /ba/ — /bi/, либо, наконец, /mbu/ — /mba/ — /mbi/.

С помощью простой гипотезы можно достигнуть определенного единого

²³ Помимо африканских языков такая фонема /m^b/, вероятно, существует также в баскском (см. [33]).

²⁴ Литературу относительно сопоставления *χώρη* = *ku-me-re-na-i*, см. в [34].

²⁵ Айлаутное /s-/ в *σμάραγδος* — древнем бродячем слове (*Wanderwort*) — судя по др.-инд. *trākakatam* и аккад. *barraqtu*, появилось лишь в греческом (см. [29, с. 1028]).

²⁶ В связи с чередованием m/b см. материал, приведенный в [26, с. 23 и сл.]. Кроме того, интересный пример относящийся к микенскому периоду, указан в работе [35, с. 120 и сл.]: слоговой знак *MU*, зафиксированный в KN Fn 347.1, 371 вслед за OLE «масло», в идеограмматическом употреблении должен обозначать сосуд, рассматриваемый как стандартная мера массы; Мелена [35, с. 122], основываясь на более позднем чередовании β/μ и, соответственно, микен. дублетных написаниях $ra_2 \approx ta$, $pi_2 \approx tb$ (и, соответственно, также $ri_2 \approx ti$?), предлагает прочтение *μυρσα/, которое можно было бы сопоставить с более поздним *βρρα* «кожаный мех для вина».

²⁷ Различные возможности усвоения заимствованной фонемы описываются в общем виде У. Вайнрайхом [36].

²⁸ В связи с регулярным в целом ненаписанием гетеросиллабического носового перед согласным в микенском ср., например, <*ku-su-pa-ta*> KN Db 699.a /*ksumpanta*/.

образия по крайней мере в том, что касается признака звонкости. Как известно, согласно традиционной реконструкции, греческие глухие придыхательные восходят к более древним звонким придыхательным. М. Лежен [37] показал, что к тому времени, когда начался процесс адаптации линейного письма А к микенскому греческому ²⁹, его фонетическая система еще носила более древний характер, чем в тот период, к которому относятся дошедшие до нас тексты. Таким образом, естественно было бы предположить, что знаки *ri₂*, *ra₂* и *ri₂* были усвоены силлабарием линейного письма В для обозначения звука, восходящего к звонкому придыхательному */b^h/ — очевидно, до общегреческого перехода */b^h/ > /p^b/ ³⁰.

Итак, знаки группы *ri₂* — *ra₂* — *ri₂* первоначально должны были обозначать звонкий согласный. При этом выбирает следует между /bV/ и /b^hV/, оставляя /mb/ вне поля зрения. Во-первых, a priori совершенно невероятно, чтобы изобретатели линейного письма В с самого начала включили в силлабарий знаки *ri₂* — *ra₂* — *ri₂* для обозначения заимствованной фонемы /m^b/ ³¹, и, во-вторых, непонятным было бы использование этого знака для обозначения придыхательного губного.

Как обстоит дело с предположением о том, что первоначально *p₂*-знаки были введены для обозначения /b/? Если это соответствует действительности, то, во-первых, остается непонятным, почему этот *p₂*-ряд (или, соответственно, *b*-ряд) не использовался последовательным образом по аналогии с *d*-рядом, созданным на основе *l*-ряда (см. примеч. 9). Кроме того, по-прежнему остается нерешенной проблема произношения /p^bV/; даже если оно восходит к тому времени, когда */b^hV/ еще не оглушилось в /p^bV/, т. е. оставалось звонким, следует напомнить, что в микенском ⟨dV⟩ никогда не обозначалось аналогичным образом как /t^h/ < */d^hV/ ³². Во всяком случае, этому аргументу не следует придавать слишком большого значения, поскольку описанные выше факты допускают и хронологическое объяснение (см. ниже, п. 8).

Таким образом, остается принять предположение, что *p₂*-ряд первоначально был введен для обозначения придыхательных */b^hV/ — на это нечего возразить. До того, как произошло изменение */b^h/ > /p^b/, знаки ряда *p₂* могли обозначать и непридыхательный звонкий смычный /b/; после оглушения это, напротив, стало невозможным. Надписи, содержащие *p₂*-знак в тех случаях, когда ему соответствует /b/, следует, таким образом, признать архаичными.

7. Этот экскурс в предысторию микенского силлабария позволяет поставить вопрос: почему микенские писцы не использовали возможность обозначения звонкого смычного /b/ с помощью освободившихся после оглушения */b^h/ > /p^b/ знаков ряда *p₂*?

В связи с этим следует еще раз напомнить о сформулированных в п. 4 выводах, согласно которым представление на письме звука /b/ не всегда было легкой задачей для микенских писцов. На это можно было возра-

²⁹ Тот факт, что линейное В представляет собой продолжение линейного А, является сегодня общепризнанным, тем более что с появлением новых данных в последние годы количество различий между этими письменностями существенно уменьшилось (из последних работ ср. в связи с этим [38]).

³⁰ Относительность этого допущения см. [39, 23].

³¹ Вообще маловероятно, что эта заимствованная фонема существовала в языке линейного письма А, поскольку в текстах, записанных линейным А, так же, как и в случае с микен. *su-ki-ri-ta* ~ Σεβρ τα, засвидетельствовано написание с использованием знака для *k*: *su ki-ri-ta* (или, соответственно, с другими суффиксами, *su-ki-ri-te-ta* или *su-ki ri-te-se-ta*).

³² Даже если бы сопоставление крит δρον Кρῆτας το ἡρος (Гесихий) с иносским топонимом *o-di-ri (например, в инстр пад. ед. *o-di-ri-wé KN C 902 6) и оказалось верным, то в этом случае придыхательный все равно должен был бы передаваться с помощью знака для *d*.

зить. Дело в том, что к такому умозаключению мы пришли отчасти на основе лексического материала, в котором, в соответствии со сказанным в п. 5, следует постулировать заимствованную фонему /m^b/. Действительно, в пользу предположения о /m^b/ в *mo-ri-uo-do* свидетельствует латинское соответствие *plumbum*³³, а в *su-ki-ri-ta* — вероятно, крит. Συρίτις в подписи из Лаппы.

Однако это возражение не представляется серьезным. Очевидно, грекам легче всего было представить заимствованную фонему /m^b/ как бифонемное сочетание /m/ + /b/ и записывать как /mb/, что и зафиксировано в послемикенских написаниях с ⟨μβ⟩ и, согласно данным п. 5, окказионально — в микенских написаниях с *ra₂* и т. д.

В связи с этим важным представляется еще одно наблюдение. В микенском засвидетельствовано имя собственное *i-mi-ri-jo* KN Db 1186, которому в послемикенском греческом соответствует Τύφρος. Входящая в его состав иниаутная группа /-mbr/ возникла в результате вставки эпентетического /-b-/ из /-mr-/ , о чём, очевидно, еще свидетельствует микенская форма ⟨i-mi-ri-jo⟩ /Imrijos/³⁴. О том, что вставка /-b-/ произошла в послемикенский период, свидетельствуют также фессалийские реликтовые формы Φιλορρότος (DGE 607), Κλεορρότος и Μρόχο (соответственно, вместо ожидаемых Βρότος и *Βροχός с /br-/ < */mbr-/ < */mr-/). Заслуживает, однако, внимания тот факт, что такого рода эпентеза вовсе не является исключительно послемикенским явлением. В отличие от случая с /b/, вставка /d/ в /-gr-/ засвидетельствована уже в микенском; ср., например, *a-re-ka-sa-da-ra(-ka)* MY V 659.2 /Aleksandrā/, инстр. пад. ед. ч. *a-di-ri-ja-te(-qe)* PY Ta 707.2 /andri jantē/ и другие примеры с /andr-/ < < */andr-/.

С моей точки зрения, это несоответствие можно объяснить лишь в том случае, если допустить, что в микенском отсутствовало сочетание /-mb/. Это допущение хорошо согласуется с отмеченными выше трудностями при передаче заимствованной фонемы: /m^b/ не может восприниматься ямикенским как /mb/, поскольку в нем нет такого сочетания. Если сопоставить это утверждение с тем фактом, что линейное В, несмотря на существующие возможности, не имеет серии знаков для сочетания /bV/, которое — при необходимости — может передаваться знаком для сочетаний, восходящих к /b^bV/, то нам остается прийти к единственному возможному выводу: фонемы /b/ в микенском греческом еще не существовало (или, по крайней мере, [b] еще не имел фонемного статуса).

Это смелое утверждение становится несколько менее категоричным, если принять во внимание то обстоятельство, что линейное В не являлось непосредственным отражением микенского, но в значительной степени могло фиксировать и домикенское языковое состояние (ср. п. 6 и [37]). В этом отношении следовало бы несколько видоизменить предложенную формулировку, констатируя, что фонема /b/ еще отсутствует в домикенском греческом (и потому чрезвычайно редка в микенском греческом).

8. Таким образом, приведенные здесь рассуждения о древнейшей истории греческого языка предстают в новом ракурсе.

Согласно п. 6, в домикенский период, т. е. к моменту создания линейного письма В (около 1600 г. до н. э.?), губные придыхательные еще произносились звонко — */b^b/. Поскольку к этому времени греческий язык уже разделился по меньшей мере на две большие диалектные группы —

³³ Здесь следует, вероятно, предположить неиндоевропейское (иберийское?) бродячее слово (Wanderwort) *mlum^b-, по-разному (с точки зрения фонетики) усвоенное латинским и греческим (относительно перехода *ml- > лат. *pl-*, см. [40]).

³⁴ Сопоставление апеллятива *o-mi-ri-jo-i* KN Fh 356 (дат. пад. мн. ч.) с послемикенским Τύφρος А. Хойбек [41] справедливо отвергает, так как в последнем случае /-b/ принадлежит корню и не является эпентетическим.

северногреческую и южногреческую (к которой следует относить и миценский), утрата звонкости **/b^h* должна была происходить независимо в отдельных диалектах. Таким образом, речь не может идти об общегреческом или раннегреческом явлении. Разумеется, оглушение **/d^h* и **/g^h* в */t^h* и */k^h* соответственно могло произойти еще до изменения **/b^h* > */p^h* на той стадии, когда общегреческое единство еще не было нарушено. Это позволило бы объяснить, почему миценский использовал для */t^h* < **/d^h* знаки глухого *t*-ряда, в то время как */p^h* < **/b^h* записывалось с помощью первоначально звонкого *p₂*-ряда: к моменту адаптации силлабического письма к греческому языку */t^h* (и */k^h*) уже существовало с все еще звонким **/b^h*. Следует, кроме того, предположить, что в связи с очевидным отсутствием звонкого смычного */b/*; **/b^h* сохраняло звонкость и заполняло пробел в ряду, образуемом **/d/* и **/g/*.

Все вышеизложенные соображения, разумеется, полностью согласуются с глоттальной теорией, которая, в соответствии с приведенными в п. 2 типологическими данными, как раз и постулирует отсутствие или невысокую встречаемость раннегреческого */b/*. Тем не менее следует подчеркнуть, что эти рассуждения *per se* не могут служить доказательством глоттальной гипотезы, хотя и значительно повышают ее правдоподобность. Верификация аргументов Гамкелидзе, Иванова и др.— это в первую очередь задача типологов. Тем не менее немаловажным итогом настоящего исследования является подтверждение того, что, если так называемый индоевропейский имел глоттальную систему смычных, то она должна была сохраняться еще в период позднего праязыкового единства. Тем самым следует отказаться от изложенного в п. 1 компромиссного решения, согласно которому глоттальный ряд существовал лишь на ранней, но не на поздней стадии развития индоевропейского праязыка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen.* Bd. 1: Einleitung und Lautlehre. Strassburg. 1886. S. 261.
2. *Recueil des publications scientifiques de Ferdinand de Saussure.* Genève, 1922.
3. Гамкелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Лингвистическая типология и реконструкция системы индоевропейских смычных // Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков: Предварительные материалы / Под ред. Бернштейна С. Б. и др. М., 1972.
4. *Hopper P. Glottalized and murmured occlusives in Indo-European // Glossa.* 1973. V. 7.
5. *Mayrhofer M. Indogermanische Grammatik.* Bd 1. Halbband 2: Lautlehre (segmentale Phonologie des Indogermanischen). Heidelberg, 1986. S. 91.
6. *Normriter M. Idg. Konsonantismus, germ. «Lautverschiebung» und Vernersches Gesetz // KZ.* 1977. Bd 91.
7. Гамкелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. 1—2. Тбилиси, 1984.
8. *Hayward K. M. // Lingua.* 1989. V. 78. Rec.: Гамкелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. 1—2. Тбилиси, 1984.
9. *The new sound of Indo-European //* Ed. by Vennemann T. B.; N. Y., 1989.
10. *Mayrhofer M. Sanskrit und die Sprachen Alteuropas.* Göttingen. 1983. S. 143.
11. *Rasmussen J. E. Tenues Aspiratae und Chronologie einer Glottalreihe // The new sound of Indo-European /* Ed. by Vennemann T. B., N. Y., 1989. S. 165.
12. *Gamkrelidze T. V. Language typology and language universals and their implication for the reconstruction of the Indo-European stop system // Bono Homini Donum. In memory of J. Alexander Kerns /* Ed. by Arbeitman Y. L., Bomhard A. R. V. II, Amsterdam, 1981.
13. *Meld W. Das Problem von Indogermanisch / b /.* Innsbruck, 1989.
14. *Lujeune M. Phonétique historique du mycénien et du grec ancien.* P., 1972.
15. *Heubeck A. Lydiaca.* Erlangen, 1959. S. 20.
16. *Lejeune M. Mémoires de philologie mycénienne. Première série.* P., 1958. P. 327.
17. *Heubeck A. Überlegungen zur Sprache von Linear A // Res Mycena: Akten des VII Mykenolog. Coll. in Nürnberg vom 6.—10. April 1981 /* Hrsg. von Heubeck A., Neumann G. Göttingen, 1983. S. 161.

18. *Lejeune M.* Mémoires de philologie mycénienne. I. Deuxième série (1958—1963). Roma, 1971.
19. *Ventris M., Chadwick J.* Documents in Mycenaean Greek. 2-nd ed. Cambridge, 1973.
20. *Jorro F. A.* Diccionario Micénico. V. 1. Madrid, 1985.
21. *Duhoux Y.* Les contacts entre mycéniens et barbares d'après le vocabulaire du linéaire B // *Minos*. 1988. V. 23.
22. *Heubeck A.* Mycenaean *qe-qi-no-me-no* // Proc. of the Cambridge Coll. on Mycenaean studies / Ed. by Palmer L. R., Chadwick J. Cambridge, 1966.
23. *Melena J. L.* On untransliterated syllabograms *56 and *22 // *Tractata Mycenaea: Proc. of the Eighth Int. Coll. on Mycenaean studies*, held in Ohrid, 15—20 September 1985 / Ed. by Ilievski P. H., Crepajac L. Skopje, 1987. p. 224.
24. *Cremona M. V., Marcozzi D., Scafà E., Sinatra M.* La toponomastica cretese nei documenti in lineare B di Cnosso. Roma, 1978.
25. *Quattordio-Moreschini A.* Le formazioni nominali greche in *-nth-* // Roma, 1984. 60.
26. *Furnée J.* Die wichtigsten konsonantischen Erscheinungen des Frühgriechischen. The Hague; Paris, 1972.
27. *Viretaz R.* Grec *Mollwodos «plomb» // BSLP. 1979. V. 74.
28. *Chantraine P.* Le témoignage du mycéen pour l'étymologie grecque // *Acta Mycениca: Proc. of the Fifth Int. Coll. on Mycenaean studies held in Salamanca*, 30 March — 3 April 1970 / Ed. by Ruipérez M. S. Salamanca, 1972. p. 206.
29. *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. P., 1968—1980.
30. *Palmer L. R.* Mycenaean inscribed vases. II: The mainland finds // *Kadmos*. 1972. V. 11. P. 19.
31. *Palmer L. R.* The interpretation of Mycenaean Greek texts. Oxford, 1963.
32. *Janda M.* Zur Lesung des Zeichens *22 // *Kadmos*. 1986. V. 25. 44.
33. *Martinet A.* Economie des changements phonétiques. Traité de phonologie diachronique. 2. éd. Bern, 1964. p. 387.
34. *Szemerényi O.* Etyma Graeca V (30—32): *Vocabula maritima tria, o-o-pe-ro-sti* // *Festschrift für E. Risch* / Ed. by Etter A. B., 1986. S. 438.
35. *Melena J. L.* Oil in the Mycenaean tablets // *Minos*. 1983. V. 18. p. 120.
36. *Weinreich U.* Languages in contact. 6-th ed. The Hague; Paris, 1968. p. 14.
37. *Lejeune M.* Pré-mycénien et proto-mycénien // BSLP. 1976. T. 71.
38. *Palaima Th. G.* The development of the Mycenaean writing system, texts, tablets and scribes // *Studies in Mycenaean epigraphy and economy offered to E. L. Bennett, Jr.* / Ed. by Olivier J.-P., Palaima Th. G., Salamanca, 1988.
39. *Melena J. L.* // *Minos*. 1974. V. 15. Rec.: *Ventris M., Chadwick J.* Documents in Mycenaean Greek. 2-nd ed. Cambridge, 1973.
40. *Leumann M.* Lateinische Laut- und Formenlehre. München, 1976. S. 190.
41. *Heubeck A.* Nochmals zu griech. -μο- / μβο- // *Glossa*. 1970. V. 48. S. 69.

Перевел с немецкого Кулаков Л. Н.